

Понимание радостей обыденной жизни — вот тот итог, к которому приходит любимый герой Унамуно, Пачико. Пьера Безухова, героя, с которым в этом отношении Пачико становится в один ряд, Толстой приводит к другому итогу: приобщение к судьбе народа, на долю которого выпало такое тяжелое испытание, как война. Если у Толстого народ — главное орудие исторической эволюции, то Унамуно, напротив, противопоставляет полную глубинного, но незаметного смысла и движения жизнь народа («интраисторию») историческим событиям. К тому же масштаб и характер описываемых в обоих романах событий глубоко различны. Если война с Наполеоном была войной всемирно-исторического значения, войной, освободительной для русского народа, победа в которой вызвала могучий подъем национального самосознания, то вторая карлистская война в Испании (1873—1876), о которой идет речь в романе Унамуно, была войной региональной, войной гражданской и братоубийственной.

Помимо концепции войны, истории и народа в романе испанского писателя, следы воздействия Толстого на Унамуно можно обнаружить в обрисовке характеров главных персонажей «Мира в войне». Сюжет в романе Унамуно построен вокруг двух вымышленных героев, Игнасио и Пачико, во многих отношениях напоминающих главных героев «Войны и мира». Пачико, как и Пьер Безухов, является выразителем самых сокровенных мыслей автора, его душе тоже знакомы драматические перепады философских кризисов и нравственных исканий. А сцена смерти Игнасио многими деталями напоминает описание ранения князя Андрея под Аустерлицем.

Интересно сопоставить также образы главнокомандующего карлистской армией Элио и Кутузова¹⁰. Подобно русскому главнокомандующему, Элио, умудренный жизненным опытом и участием в первой карлистской войне, противопоставляет умышленную инертность энергии и теоретическим знаниям окружающих его генералов: «Главнокомандующий ждал, он ждал, чтобы увидеть, в каком направлении будут развиваться события, он ждал, надеясь на себя, на свою верность Делу, на свою верность воспоминаниям, на ресурсы местности»¹¹. Отказ Элио выработать конкретный план действий перед сражением («Определенный план! Отдать предпочтение одному плану означает отвергнуть все другие возможности. Это все беспокойство неопытной юности, которая наивно полагает, что, чем раньше встанешь, тем раньше рассветет»¹²) напоминает равнодушие и даже неприязнь Кутузова к выработке планов. Разумеется, мысль об осуществлении в истории некой объективной целесообразности, независимой от активной рациональной деятельности отдельного человека, высказывалась и до Толстого. Однако именно через него эту мысль воспринял Унамуно¹³.

Тогда же, на рубеже веков, складывается философско-этическое учение Мигеля де Унамуно, также многими узлами связанное с идеями Льва Толстого. С юных лет проявивший обостренный интерес к вопросам морали, Унамуно нашел у Толстого то, что было ему особенно близко: призыв к высокой нравственной ответственности, безграничной духовной свободе, ищущую, не скованную никакими догматами мысль.

¹⁰ Подробнее о параллелях между персонажами романов см. в ст.: *Marcilly G.* Unamuno y Tolstoy, de «La Guerre et la Paix» a «Paz en la Guerra». — «Bulletin Hispanique», t. LXVII, № 3—4, Bordeaux, 1965, p. 274—313; *Oostendorp H. Th.* Los puntos de semejanza entre «La guerra y la paz» de Tolstoy y «Paz en la guerra» de Unamuno. — «Bulletin Hispanique», t. LXIX, № 1—2, 1967, p. 85—103.

¹¹ *Unamuno M. de.* Paz en la guerra, p. 205.

¹² Там же, с. 206.

¹³ Некоторые важнейшие звенья этой философско-исторической традиции (из которых основное — вводная глава к «Философии истории» Гегеля) приведены в статье А. П. Скафтымова «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого „Война и мир“» в его книге «Нравственные искания русских писателей» (М., 1972), с. 195—205..